

Димитрий Кидон

Письмо Иоанну Кандакузину во Фракию

Написано в Македонии в 1345 г., осень(?)

ИМПЕРАТОРУ КАНДАКУЗИНУ.

Так, стало быть, фракийцы, как похоже, получили по жребию наслаждаться всеми благами, на нас же обрушилось изобилие всякого несчастья. И поэтому тем император предоставил больше всего, управляя империей общими методами, а именно, открыв долгое уже время запертые от врагов ворота городов и граждан как изможденных удалив прочь, он по истечении некоторого времени отправляет в деревни, отсылает и в соседние города, не опасавшиеся раньше никого из врагов. Безбоязненно они начинают извлекать выгоду из своих и понадобилось спать в поле и делают они это, никого, однако, не страшась. Ибо прежних врагов они имеют теперь в роли защитников императора, укрощающего их самих оружием и благоразумием. Если даже мятеж все-таки, по мнению людей, не произошел когда-либо, нелегко доверяться этим впечатлениям. Да, законы процветают, и мудрость говорит откровенно. И оружие вполне, и армию, сколько бы кто-либо ни приказал, можно подготовить. Важнее же всего такой вот понимающий император, всей мудростью и добродетелью и прекрасными качествами украшающий себя. Такое именно у тех. Нам же и горе, и страдание, и разновидности других мучительных недугов. Ибо эти из городов в зависимости от варваров; другим же из-за чумы и осадных машин — застой. И законы — бессмыслица, и убивать теперь практикуется. И даже нечестив управляющий государственными делами, те же, у кого есть разум и кто уважает справедливость, ведут жизнь киммерийцев. Единственная же надежда — это ты, и думается быть спасенным отсюда только в результате действий, поскольку, если бы ты не позаботился о свободе, неизбежность — пойти ко дну, никто из оставшихся в живых не может выдерживать сопротивление ввиду столь больших волн. Однако мы не имеем права по многим соображениям относиться к себе с презрением. Ибо здесь и города великие, и войско многочисленное, и обычай обращать в бегство варваров, и законы, и достойные состязания в виде ораторских выступлений, чтобы восхищаться деяниями императоров и избавить от гибели все подлинные и окруженные почитанием святыни. И притом, однако, одно только имя Македонии внушает страх варварам, помнящим Александра и немногих из македонцев с ним, защитивших Малую Азию. Император, докажи тем в самом деле, каковы есть македонцы, и император от Александра будет отличаться одним-единственным временем. Появись же и города нам освобождай с полным успехом. На меня же возложено словами воспевать победы, и я считаю себя счастливым общаться с императором среди его учеников. Если же и ты предлагаешь бежать к тебе, дай знак лишь, и ты увидишь меня, обгоняющего награждаемых венками в состязаниях.

Перевод В.А. Сметанина, по изданию: Loenertz R.-J. Demetrius Cydones: Correspondance. Vatic.: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1956-1960. V. 1, 34—35, № 8. 1, 4—35.

Письмо великому domestiку Димитрию Палеологу

Написано в Константинополе летом 1371 г., направлено на о. Лемнос

ВЕЛИКОМУ ДОМСТИКУ.

Я, всегда одобряя и восхищаясь всеми твоими делами, ныне лишь поэтому не могу не порицать содеянного тобой, что, уехав из города и будучи, конечно, сведущим о том, какими он волнами омывается со всех сторон и что никакого уже остатка, кроме пущенного ко дну, больше нет, к тому же сблизившись с наилучшим во всех отношениях императором и в силах (*δυναμενος*) убедить его поспешить в город и противопоставить буре и волнам его искусство, ты предпочел для себя придерживаться молчания и, пребывая на Лемносе, заботиться о быках и козах. Великий же город — только название, и ни одного слова — советникам императора, не из-за таких ли безмолвствующих тот (город. — В.С.) стал безропотно повиноваться. Однако по сравнению с иными, какое бы мы ни

выбрали время, ты, пожалуй, более честно обращался с языком, говоря о городе, что ему и родине нужно помочь, даже если бы речь шла о Платамоне или Пелле или какой-либо из еще более скромных территорий. Теперь же ты видишь, что от него (города. — *В.С.*) все зависело, и он есть издавна родной дом императоров, спасший роду имя, красивейшее из них (имен. — *В.С.*) под солнцем и существующее (имя — *В.С.*) — украшение носящим, если бы его (имя — *В.С.*) сохранили, вечное же бесславие тем, кто не желает подвергаться опасности ради столь прекрасного сокровища. Если не раньше, так теперь, любезнейший, принимайся за слова, из которых ты не произносишь ни более правдивых, ни более честных, ни более полезных. Василевс же не будет пренебрегать советом. Ибо он выслушает их и, я думаю, что он будет убежден твоими словами, и здравый смысл твоих слов не ускользнет, в особенности, когда твой совет передается посредством языка Нестора, благодаря которому, словно Терпандр, ты даже и камни бы сдвигал с места. Если бы это случилось или, по крайней мере, предстояло городу, который украшает присутствием император; отсутствуя же, ему (городу. — *В.С.*) оставляет несчастья вдовства и отдает его наглецам. Таким образом, если бы мы могли хорошо действовать сообща, избавившись от страха, мы получили бы некоторое удовлетворение (*μισθος*) вследствие многих трудов в собственных интересах. Поэтому именно сейчас мы советуем мужам, кроме прославления (императора. — *В.С.*) со стороны всех по случаю (его. — *В.С.*) возвращения, [1] высказаться напрямик: ведь ныне тот, кто, бывало, избегал письма, вспомнит нечестивые поступки, давая ответ.

Перевод В.А. Сметанина, по изданию: Loenertz R.-J. Demetrius Cydones: Correspondance. Vatic.: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1956-1960. V. 1, 57—58, № 28. I, 4—30.

1. Иоанн V Палеолог вернулся в Константинополь 28 октября 1371 г.

Письмо Прохору Кидону из Рима (1369—1370 гг.)

БРАТУ.

Нас больше всего огорчает то, что, оторванные от родины и всех вас, испытавшие много страшного и на суше и на море, мы не разделяем наслаждений ваших и остаемся здесь вдали, не отведав их. Ведь это постоянно свойственно заботам императора и содействующих им нам — каждый день обивать пороги и добиваться, чтобы хлопоты, всех нас разъединяющие, о том, кто окажет помощь, как-нибудь закончились, ради чего, помогая вам, как ты знаешь, мы вели долгие переговоры. И ни из мудрецов не родился некий нам друг, ни беседующих или наставляющих, или рассуждающих мы не услышали. Даже не нашлось нам какого-либо досуга старательно заниматься римскими книгами, несмотря на многочисленные случаи, если кто-либо желал воспользоваться, и проявленной мудрости, и величия, и всех достоинств великого города. Ибо каждый, осознавая что-либо важное для себя через Церковь, однако владыки ее избегает, и ты испытал, как бы ни наставлять ежедневно великому сведущих и умелых из стада, даже меньшую часть из них не сделать теми, кого считают примкнувшими. Но то же самое я говорил другим — прилагая старания и держа в обеих руках чудеса и к ним издали жадно стремясь, мы пробегаем мимо, подобно тому как, пожалуй, если бы кто-нибудь, из дому бегом устремляясь к роднику и присев рядом, считал затем пьющих, пренебрегая жаждой, для успокоения и после этого вставал, преодолев потребность. Не исключая ни одного из собравшихся здесь, никто совершенно нас не знает, но величайшие и идущие впереди других оказались сведущими и любят и приглашают к себе, и сообщают кое-что нам охотно, однако слушают они с большим удовольствием, учатся же среди них у нас делам и удаче не уступающие по добродетели. И все они радуются, встречаясь, и пользу они извлекают, что бы ни услышали от нас, и, узнав о возвращении, они сокрушаются и пытаются удержать действующих против своей воли, вместо друзей и родины обещая Рим и самих себя. Глава же всех, наставник же всех полагает, что своим общением я немало помогу делам его самого, поэтому и начисляет помогающему вознаграждения и доходы, оставшимся же бездейственными он обещает их немного. Мне же, осознающему судьбы родины и насмешки врагов, а именно, что нам отныне станут стены тюрьмой и что мы увидим с них неприятелей, уносящих награбленное, все тягостно — ничего здесь с нашей стороны в защиту их (стен. — *В.С.*) мы не сделали законченного. Ибо римляне высказывают нам неблагоприятные представления о божестве и

страсть к новшествам в области Церкви и благочестия и законность их именуют наглостью варваров. Вот почему мне и оставаться тяжело и возвращаться обратно становится мучительно. Ибо остающегося будут удручать упреки граждан, возвращающегося же будут огорчать своими неудачами даваемые мне поручения. Итак, молись, чтобы мы пришли благодаря богу к согласию. Ибо возможно, что даже не нужно получать у кого-либо то благодеяние, и к тому же, с большой для себя в том откровенностью, жизнь, предоставляя легко для нашей защиты, приведет в движение добро.

Перевод В.А. Сметанина, по изданию: Loenertz R.-J. Demetrius Cydones: Correspondance. Vatic.: Bibliotheca Apostolica Vaticana, 1956-1960. V. 1, 72—73, № 39. 1, 4—43.

Письмо некоему другу

Вот это (письмо. — В.С.) убеждает меня, что письма малых размеров — дело твоей руки и мысли. Что же касается такого именно человека, решившегося нам писать, то он терзает письма, чтобы выразить величие замысла, хотя великое искусство не втиснуть в рамки коротких писем. Ведь не скажет, полагаю, кто-нибудь, что «беседа не струится ручьями». Все же мы желаем и более длинных, хотя изящество коротких мы все же почувствуем. Ведь ни одно из твоих (писем. — В.С.) для нас не является большим.

Перевод В.А. Сметанина, по изданию: Loenertz R.-J. Demetrius Cydones: Correspondance. Vatic.: Bibliotheca Apostolica Vaticana, 1956-1960. V. 1, 99, № 66. 3—5.

Письмо некоему другу в Фессалонику из Константинополя (1362—1363?)

Восхваляя тебя по поводу писем, из которых мы убеждаемся, что у тебя — беспокойство о нас, я упрекаю, что ты не знаешь, по-моему, о моих несчастьях. И заметьте, что я ведь тотчас же принимаюсь советовать воздержаться от размеров лакедемонских писем и составлять их не менее изящные, чем длинные.

Перевод В.А. Сметанина, по изданию: Loenertz R.-J. Demetrius Cydones: Correspondance. Vatic.: Bibliotheca Apostolica Vaticana, 1956-1960. V. 1, 111, № 78. 4-7.

Письмо Иоанну V Палеологу в Константинополь

Написано в Константинополе

ИОАННУ ИМПЕРАТОРУ.

Именно от предоставленного вовремя по милости я испытал двойную радость. Ведь нам разрешило нужду, вследствие расходов, серебро прибывшее. Однако не только двойную, но и многократную радость оно доставило, потому что благодеяние происходило по решению твоего монастыря, впрочем, раньше мы не вынуждали себя обивать пороги ради нас, нуждающихся, что всем, я хочу надеяться, тягостно, словно бы бесчестящее прямою души; мне же прямо петля, если мне необходимо просьбами приобретать милость. Ибо по природе с самого начала это мне неприязненно, и давнишняя привычка сильнее возбудила непризнь вдобавок к природе. То же самое испытал, ты вознамерился по собственной воле сделать для меня добро. Это, стало быть, было считаемым дважды — предоставить что-либо кому-либо в качестве дара и оказать честь и тем более, когда то и другое происходило благодаря императору. Эту милость я имею от тебя, однако не только меня, а пожалуй, тебя самого, воспользовавшегося (этим. — В.С.), недостойно, если из поступившего раньше тебе в пользу всех что-либо, и притом вот из этого, могло бы попасть от себя самого худшим. И вот эту (милость.— В.С.) я считаю для себя ценнее богатств Креса. О если бы были за нее тебе от бога, о император, долгая жизнь и множество трофеев от врагов империи.

Перевод В.А. Сметанина, по изданию: Loenertz R.-J. Demetrius Cydones: Correspondance. Vatic.: Bibliotheca Apostolica Vaticana, 1956-1960. V. 1, 116, № 83. 1, 4-18.

Письмо некоему другу.

Я уже познал, конечно, как отвечающего и склонного беспокоить мож'но было заставить умолкнуть. Ибо не сами ли мы узнавали от других о твоих делах от не столь немногочисленных прибывших. Однако ты мучишься, если даже ничто другое из обычных вещей тебя не побудило возразить нам, ведь одни только жалобы стали темой писем и обвинением нашим, словно в самом деле ты обижен. Ныне же замолчав, ты получил для себя самого обвинение, только как создатель писем, этого знака дружбы, замолчав ныне перед лицом столь много написавшего своими перьями, которыми, избобличив, тебя могли бы упрекать с достаточным основанием. Однако мы не пошлем в воздаяние стрелы, те, которые мы раньше получили, и мы не будем соглашаться ненавидеть друзей, если что-то чрезмерно выпавшее на долю удержало руку, и все же в то же время молчащих о дружеском отношении мы расспрашиваем с душевным предрасположением. И поэтому мы верим тебе, что молчание было вызвано отъездом или болезнью, или вынужденными твоими делами, из-за которых забывал кое-кто, пожалуй, и самого себя. Поэтому ты, полный сил, и не будешь подчеркивать, что кто-либо с нашей стороны был увиден тобою без писем. Ибо многое попирает мысли и дела людей, и никто не является господином самого себя ради всех. Ныне, следовательно, на тех, которым я рассказал о молчании, мы рассчитываем. Если же и после писем ты придерживался бы этого (молчания.— *В.С.*), мы считали бы оскорбление намеренным. У тебя же не будет того, что оправдало бы тебя.

Перевод В.А. Сметанина, по изданию: Loenertz R.-J. Demetrius Cydones: Correspondance. Vatic.: Bibliotheca Apostolica Vaticana, 1956-1960. V. 1, 117, № 85. 3—18.

Письмо *proceri aulae* Иоанна V Палеолога

Написано в Константинополе в 1372—1373 гг

Я услышал из публичной речи о пенитах, что ныне в императорских дворцах назначены награды, и некий Хремил и некий Ир неожиданно разбогатели, что в самом деле некоторые ловкие лица рассчитывают восхвалять дела архонтов в присутствии толпы и для этого при самом удобном случае спешат всякие, с одной стороны, отточившие языки, с другой — совершенно отбросившие совесть и справедливость как некое бесполезное бремя, и что ныне резиденция государственных властей означает для нас базарную площадь и образец угодничества. Пусть это вызывает у тебя и у меня смех над этими мисфотами, — ибо что постыднее людей, выжидающих такие обстоятельства и таким именно службам уступивших самих себя за плату, которые рыдают от города процветающего, празднуют же его несчастье, и, как говорится о Демаде, живут в своем государстве обломки родины — однако, пусть пробуждает и плач над несчастными земледельцами и другими апорами, которым следует уменьшить взносы, так как ныне непрерывными губительными сборами властители отказывают им и в самой жизни, по-видимому, они желали бы для себя, чтобы тела тех составили им обед. Ибо ничто не предвещает того, что страдальцы, в конце концов, будут освобождены. Несправедливо, что один только огорчается по поводу их и что родина и общество, которое должно быть почитаемо ими, подвергаются общей опасности, не потому лишь, что пениты — не наименьшая часть (населения. — *В.С.*) города и что гибель их есть именно его беда, можно сказать, но потому, что существует и страх, как бы они, не щадя жизни архонтов, не признали более сносных врагов и, прибегая к их помощи, не устремились с ними на нас, или, пожелав отомстить насильникам, словно лошадь, погоняемая стрекалами, не сбросили с себя власть, город же не насытили грабежом, изгнанием, резней, как будто бы они во время бури при давке матросов потопили корабль, который был бы спасен при общем единодушии, когда, согласись с этим, и советуются, и занимаются делом. Вот почему, увидев мисфарнундов во время общих бедствий, не допускай этого и знай, что это приносит городам то же самое, что болезни телам или пираты кораблям. Сам же ты, при общем возгласе призывающей родины, противопоставь их пустой болтовне свою сообразно с обстоятельствами откровенную речь и покажи, сколь велика польза, когда ритор благосклонно выступает с речью перед народом в городе. Верь же, что мы, прославясь в сенате, не отдадим этого на откуп мисфотам и не будем говорить при посредстве их, которым мы несправедливо окажем

благодаяние, себя же самих и город мы разорим, но мы убеждены, что последующее посоветует, что из содеянного он исправит. Ибо нелепо, с одной стороны, что одинаково ораторствующие окажутся беззаконниками, с другой — что при благородстве и справедливости единомышленников им уготована уединенная судьба.

Перевод В.А. Сметанина, по изданию: Loenertz R.-J. Demetrius Cydones: Correspondance. Vatic.: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1956-1960. V. 1, 152—153, № 114. 4—38.

Письмо Феодору Палеологу

Написано в Константинополе осенью или зимой 1391 г., направлено в Морею

Проявлением императорского свойства выступает то, что предоставляемое во многом превосходит по достоинствам того, кто это получает, и ты сам осыпал вследствие большой щедрости своими похвалами, относящимися ко мне, воздав мне многочисленные славословия в письмах, тогда как все знают, что при больших восхвалениях это справедливо, пожалуй, со стороны многих порицается. Тем не менее, если бы я имел в виду только мое положение, может быть, я и был бы обрадован чрезмерными похвалами; с тех пор как меня интересует и твое положение, я не желал бы в твоих интересах, чтобы приятное, делаемое мне тобой, многочисленные обличители раздували как ложное. По этой причине ты воздержись от комплиментов, мне же достаточно, я думаю, что ты помнишь меня и что ты любишь меня и что своими письмами ты учишь этому других. Ибо это принесет тебе одобрение всех, мне же доставит (удовольствие. — *В.С.*) радоваться вместе с друзьями (оказанной мне. — *В.С.*) чести. После того как сказано, что ты ныне огорчен, услышав, что я уезжал, обрадован же возвращению, определена польза для родины и друзей и что нужно было возвратиться мне к тем, которые меня уважали и которые будут меня уважать, все это побуждало многих называть меня счастливым, если, конечно, я именно тот, который заслуживает услышать такое со стороны столь замечательного человека. Это же помешало мне увидеть Рим, к которому я плыл, намереваясь здесь именно исполнить обет, данный святым апостолам; существовали и опасности, угрожающие ежедневно проезжающим ныне по обыкновению через Италию со стороны разбойников и тиранов, большинство которых она, вскармливая в своих городах, ныне вооружает друг против друга и против чужестранцев и которых друзья советовали и просили как явно существующих остерегаться. Но прежде всего значили новости об императоре и великом городе, все ужасные и которые не только гражданам, но и всем узнающим об основании города страх внушили. Это в самом деле убедило меня, не обращая ни на что внимания, поспешить к императору и в город, чтобы быть причастным к их судьбе — к которым бы меня не возвратили, если бы я услышал, что они живут в обычных условиях, в которых я их оставил — считая, что было бы неблагодарностью не взять свою долю неприятностей, которые удручали тех, с которыми я всегда разделял радости. Однако возвращаясь, я нашел дела города в таком стечении обстоятельств, что ощущалась нужда меньше всего в человеческой сметливости, а лишь в одной божьей помощи. Таким образом, все приведено в беспорядок, и трудно найти в мире подобие здешнего абсурда, когда варвары уже захватили все извне, когда благодаря самим себе они приобрели все богатство города, когда возложили на него столь большие подати, что совокупности общественных доходов недостаточно для их уплаты и поэтому необходимо и пенитов обложить налогом, если мы хотим сдерживать ненасытность врагов, по крайней мере, до некоторой степени. Все думают, что это невозможно — ибо жадность их никогда не будет остановлена — и готовятся отныне к рабству, словно оно единственное, что может избавить нас от внутренних бед. Внешняя ситуация для нас возле варваров остается спокойной, поскольку они щадят находящуюся под нашей властью остальную часть существующего города. Остается в силе, кроме того, и старое зло, которое все погубило: раздор императоров из-за призрака власти и вследствие этого у обоих существует необходимость потворствовать варвару, поскольку только таким образом возможно, по крайней мере, дышать. Все признают, что кому из двоих он (варвар. — *В.С.*) окажет поддержку, тот без околичностей одержит в будущем верх. Поэтому неизбежно раньше граждан императоры сами рабски служат ему и живут по его предписаниям. И ныне оба императора, каждый с тем, что осталось от войска, получив приказание, следуют за и им (варваром. — *В.С.*), помогая захватывать ему города во Фригии и Понте. И поэтому город, оставшийся без гарнизона, лежит как готовая награда быть захваченным теми из врагов, кто этого пожелает. Внутри же восстания граждан, не простых людей, но уже считающихся в императорских дворцах самыми важными, и ссоры между собой и раздоры из-за первенства и у каждого стремление, в случае если бы он смог, одному-единственному все поглотить и, если он этим не овладевал, грозить переходом к врагам и с ними

блокировать родину и друзей. Эта трагедия тяжелее созданных Гомером и всеми поэтами. И кто бы мог говорить об этом с простодушным? Таким образом, мог бы кто-либо говорить, особенно правдоподобно, о делах города, когда попавшие в бурю в кромешной тьме и водовороте пытаются изнутри перевернуть корабль. Видя это, я считаю счастливым тебя, пребывающего вдали от этих волн и страха. Если ты, в самом деле, отчасти терпишь вред от суеты (трудно найти ныне среди ромеев правителя, который бы сам не унаследовал общей судьбы), ты все-таки имеешь при себе тех, которым как деспот ты предписываешь как угодно, и ты же имеешь при себе стремящихся благосклонно тебе служить. Тебе же можно часто отнестись с презрением к варварам и говорить, что ты не уступишь применяющим силу, но и что ты оказывал организованное сопротивление и что ты их не допустишь, насколько возможно. Обратное этому происходит теперь у нас, для которых существует один закон: выполнить с усердием то, на что враги сделали знак наклоном головы, или высказавшемуся против быть заключенным в тюрьму. Поэтому, как я об этом говорил, я и остающиеся в живых представители народа считаю тебя счастливым. Что касается меня, те даже, которые раньше восхваляли меня в связи с возвращением, ныне называют меня из-за этого несчастным. Тот ведь наслаждался жизнью — ибо это, говорят они мне, есть то, что позволит пребывание в Венеции — я этого не захотел. Я предпочел же, возвратившись, прыгнуть прямо в огонь, чтобы умереть самым постыдным образом. Поэтому, мало-помалу, я сам жалею о возвращении и говорю людям, чей ум не имеет основания для упреков: если я вовсе не окажу помощи родине, то мне предстоит погибнуть вместе с беснующимися людьми, которые неспособны понять свой долг и которых, конечно, нельзя, привязав, как мулов, излечить. Я ищу, куда пойти, чтобы не видеть нашего внутреннего положения, испытанного здесь, и не претерпевать поэтому того, что ожидается, и я нахожу только единственное убежище для себя: присоединиться к тебе и ожидать с тобой того, что случится. Может быть, и ты, в самом деле, уцелеешь в общей катастрофе, когда бог с давних пор, пожалуй, приготовляет твою гавань тем, кто уцелеет из ромеев. И если бы даже буря одержала верх над твоим искусством, все-таки, конечно, быть пущенным ко дну в последнюю очередь из всех — немалая выгода желающим спасти себя самих там, где возможно. Особенно же большое утешение и в настоящем, и в будущем, к тому же ради безопасности и репутации, — подвергаться опасности вместе с самыми знатными, которые делают все с умом для своего спасения и спасения тех, кто живут рядом. Поэтому ныне, если только бог позволит, я желаю видеть Рим, чтобы совершить обет, который я дал апостолам. Исполнив священные обязанности, я возвращаюсь, и Пелопоннес встретит меня, если только смерть, упредив меня, не пресечет моей попытки. Так я сам положу конец моим долгим тяготам и, находясь рядом с тобой, скромно проведу остаток своей жизни. И мое общество, я убежден в этом, не покажется тебе неприятным, ибо ты, я это знаю, не раз давал этот обет.

Перевод В.А. Сметанина, по изданию: Loenertz R.-J. Demetrius Cydones: Correspondance. Vatic.: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1956-1960. V. 2. 406—408, № 442. 4—91.

Воспроизведено по изданию: Сметанин В. А. Византийское общество XIII-XV вв. (по данным эпистолографии). Свердловск, 1987. С. 231-242.